

УДК 111
DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-2-25-31

МЕТАФИЗИКА ДИАЛОГА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО МИРА

А.Г. Инговатова, Н.И. Осмонова

Аннотация. Дано определение метафизических и онтологических оснований диалога. Актуальность изучения диалогических оснований в условиях современной глобальной нестабильности и беспрецедентного уровня взаимозависимости в глобальной политике, экономике, науке и образовании безусловна. Диалог между культурами, нацеленность на взаимное понимание имеет центральное значение для сохранения мира и стабильного существования человека как в государственном, региональном, так и в глобальном масштабах. В действительном состоянии мирового сообщества наблюдается увеличение информационных потоков и информационной открытости, но приводит это не к диалогу и пониманию, а к конфронтации, разделённости и нарастающей агрессии. Выявлению глубинных причин данного парадокса помогут поиск метафизических и онтологических оснований диалога, определение его сущности и условий подлинной реализации.

Ключевые слова: метафизика диалога; диалог; понимание; коммуникация; онтология диалога; диалог культур; менталитет; стратегия монологизма; межкультурная коммуникация; глобальные тенденции.

АЗЫРКЫ ДҮЙНӨНҮН КӨЙГӨЙЛӨРҮНҮН КОНТЕКСТИНДЕ ДИАЛОГДУН МЕТАФИЗИКАСЫ

А.Г. Инговатова, Н.И. Осмонова

Аннотация. Макалада диалогдун метафизикалык жана онтологиялык негиздеринин аныктамасы берилген. Заманбап глобалдык туруксуздуктун жана глобалдык саясатта, экономикада, илимде жана билимде болуп көрбөгөндөй көз карандылыктын шарттарында диалогдук негиздерди изилдөөнүн актуалдуулугу талашсыз. Маданияттар ортосундагы диалог, өз ара түшүнүшүүгө басым жасоо улуттук, аймактык жана глобалдык масштабда тынчтыкты жана адамдын туруктуу жашоосун сактоо үчүн борбордук мааниге ээ. Дүйнөлүк коомчулуктун учурдагы абалында маалымат агымынын жана маалыматтын ачыктыгынын өсүшү байкалууда, бирок бул диалогго жана өз ара түшүнүшүүгө эмес, карама-каршылыкка, бөлүнүүгө жана агрессиянын күчөшүнө алып келет. Диалогдун метафизикалык жана онтологиялык негиздерин издөө, анын маңызын жана анык ишке ашыруу шарттарын аныктоо бул парадокстун түпкү себептерин аныктоого жардам берет.

Түйүндүү сөздөр: диалогдун метафизикасы; диалог; түшүнүү; байланыш; диалогдун онтологиясы; маданияттардын диалогу; менталитет; монологизм стратегиясы; маданияттар аралык байланыш; дүйнөлүк тенденциялар.

METAPHYSICS OF DIALOGUE IN THE CONTEXT OF THE MODERN WORLD PROBLEMS

A.G. Ingovatova, N.I. Osmonova

Abstract. This article is devoted to the definition of the metaphysical and ontological foundations of the dialogue. The relevance of studying the dialogic foundations in the conditions of modern global instability and an unprecedented level of interdependence in global politics, economics, science and education is unconditional. Dialogue between cultures, aiming at mutual understanding is of central importance for maintaining peace and stable human existence, both on a national, regional and global scale. In the actual state of the world community, there is an increase in information flows and information openness, but this does not lead to dialogue and understanding, but to confrontation, division and increased aggression. The search for the metaphysical and ontological foundations of the dialogue, the definition

of its essence and the conditions for genuine implementation will help to identify the underlying causes of this paradox.

Keywords: metaphysics of dialogue; dialogue; understanding; communication; ontology of dialogue; dialogue of cultures; mentality; monologism strategy; intercultural communication; global trends.

Как известно, диалог не просто как беседа, разговор, но как осмысленное речевое действие, коммуникативный акт, общение с самим собой, со своей душой, как способ бытия сознания, понимания и языка в истории философии имеет древние корни. Истоки метафизики диалога были заложены в классической сократовско-платоновской традиции и продолжили своё развитие в философских традициях Средневековья, Нового времени и современности, например, в «Исповеди» Августина Блаженного, «Утешении философией» Боэция, в «Разговоре между Гиласом и Филонусом» Дж. Беркли, в диалоге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьёва, а также в диалоге «Воображаемые интервью» А. Жида, «Прогностические диалоги» Я.В. Сиверц ван Рейзема и др.

Диалог как особый опыт начала понимания и осмысления, онтологическая и бытийственная основа, пронизывающая все стороны жизни человеческого существования, начиная от межличностного общения, заканчивая межкультурным, межконфессиональным, межнациональным измерениями на личностном, групповом, региональном и глобальном уровнях, всегда был и остаётся актуальным вопросом философии. Однако в контексте современных процессов, в реалиях современной глобальной ситуации нестабильности, неопределённости и беспрецедентного уровня взаимозависимости в политике, экономике, науке, образовании анализ онтологических и метафизических оснований диалога как попытки осмыслить и понять всё многообразие новых проблем в контексте философской рефлексии [1], а также в контексте осмысления диалога культур как культуры самого диалога [2] приобретает особую актуальность.

В решении любого вопроса и при обсуждении всякой темы, как правило, важны содержательные установки говорящих и спорящих собеседников. Фундаментальное значение приобретает прояснение их изначальной позиции в понимании истины как таковой. Подходы к возможным обоснованиям и выбору

аргументов, которые, с точки зрения участников процесса, не только допустимы, но являются наиболее верными, также играют большую роль в эффективности процесса диалога. Очевидно, что далеко не всякое общение обладает чертами диалога, наличие двух (и более) позиций не является автоматической гарантией диалога, ибо диалог предполагает изначальную установку на выработку общей позиции и достижение определённого уровня понимания, консенсуса. Диалог может считаться состоявшейся реальностью, если достигнут более глубокий уровень понимания (в определённом смысле – большее человеческое единство), чем тот уровень, что был до него. В противном случае вряд ли можно констатировать, что состоялся диалог с точки зрения его сущностных характеристик. Ключевым условием диалога является наличие общей цели общения (скажем, установление мира и взаимного доверия в зоне конфликта), отправным моментом или стимулом к диалогическому общению является единое понимание истинного содержания «рабочих» понятий. Единство целей может стать реальностью, когда имеют место сходное понимание значимого, единые критерии оценок реальности, происходящих событий, совершаемых человеком действий.

Скажем, если речь идёт о военно-политическом конфликте, то в основе диалога лежит, во-первых, наличие в сознании диалогизирующих приоритета такой высочайшей ценности, как сама человеческая жизнь, признание человека в качестве самодовлеющего достояния мировой реальности, то есть, по сути, признание истины человека в том виде и значении, как она того заслуживает; во-вторых, это непосредственно связано с первым – волевое ориентирование на сохранение его жизни и условий для жизни как на главную цель. Понятно, что, если с обеих сторон имеет место понимание важности отношения к человеку, аутентичное самому понятию «человек», и есть готовность к деятельной демонстрации такого отношения к человеческой жизни и человеку, результатом диалога могут

стать решения, носящие необходимый гуманный характер даже в условиях самого тяжкого военного конфликта. Положим, что одна из сторон имеет такой искренний настрой, а другая использует ценности человека и его жизни как средство в достижении своих целей – очевидно, что для диалога существует непреодолимое препятствие, чинимое данной стороной. Великие мыслители Древней Греции интуитивно угадывали, что благое – сродни естественному порыву и жизненному развитию, а зло (вредоносное) – то, что противодействует, мешает естественному порыву, естественному разворачиванию сущности. Диалог – естественная характеристика жизни человека и творимой культуры, чинить препятствия его разворачиванию – выходит, противоречит принципу самого блага, лежащего в основе мироздания.

Не раз уже в XXI веке демонстрировался подход, сохраняющий ориентацию на максимальное сохранение жизни мирного населения: о предстоящих военных ударах мирное население предупреждалось, выводилось в безопасное для жизни место (Ближний Восток). Следующим условием дальнейшего диалогического процесса, с нашей точки зрения, является отсутствие с обеих сторон готовности к намеренной лжи. Итак, Платон учит нас, что истинным мы называем то, что таковым является, неистинным мы называем то, что таковым не является. В своих многочисленных диалогах, в лице Сократа и спорящих с ним (имя им легион), лейтмотивом утверждается мысль о том, что и для понимания спорящими друг друга, и для дальнейшего продвижения к более общей (объективной) истине надо уяснить, насколько употребляемые человеком понятия в своём выражении действительно отражают сущность явления (или предмета). «Говорить о сущем, что его нет, или о несущем, что оно есть, – значит говорить ложное, а говорить, что сущее есть и несущее – не есть, значит говорить истинное» [3, с. 141]. Аристотель вторит своему учителю, говоря, что истина есть то, что соответствует действительному положению вещей. Если одна сторона общения намеренно исходит из возможности истину выдавать за ложь, а ложь выдавать за истину, общение теряет всякий смысл, так как автоматически исчезает

незримая бытийственная («онтологическая») основа – единство целей у общающихся, с таким явлением, как намеренное переворачивание, или «выворачивание наизнанку» информации или содержания событий, становится очевидным наличие иных, или прямо противоположных целей и ценностных установок. Но «А» и «не-А» не могут быть одновременно истинными, одно – есть ложь (Аристотель). Одно и то же событие не может быть одновременно и таким, и тем, что является его противоположностью. Двух истин с одновременно существующим и противоречащим друг другу содержанием в отношении одного и того же предмета или события быть не может. Один говорит по истине, другой говорит по лжи или на ложном основании. Итак, диалог может стать реальностью при единстве ценностей и целей, но и только в том случае, если ни у одного из спорящих нет установки на преднамеренную ложь и её намеренное тиражирование.

Платон в своих диалогах демонстрирует живой совместный поиск наилучших в своей наглядности критериев отличия истины от лжи, добрых намерений от злых, несправедливого подхода от справедливого. И с помощью наглядных образов, используемых Сократом, показывает, что зачастую ложная установка и несправедливая оценка – не всегда есть следствие злых намерений. Показателен образ «восковой дощечки» (образ воспринимающей души) в знаменитом диалоге «Тезтет», где от её собственных качеств напрямую зависят адекватность восприятия мира и качество вырабатываемых душой чувственных и интеллектуальных представлений о мире. Выходит, не только для продуктивного диалога, но и для реализации самой его возможности важно «качество» воспринимающих душ. Чем глубже самостоятельный мыслительный опыт, пластичнее ум (способность к мыслительному обхвату более общих принципов бытия), чище и благороднее внутреннее содержание души, её жизнь, тем больше надежд на восприятие истины, разлитой, представленной в предметном и явленном бытии. Не случайно Сократ, говоря о понимании истины (о знании, отличном от мнения), употребляет элегантный и наглядный образ души, находящейся подле предмета [4].

«Крот истории» и в этом процессе «роет медленно, но роет верно»: правда всегда себе пробьёт дорогу, намеренная ложь рано или поздно будет разоблачена, оптимально, чтобы это происходило своевременно. Но при активно утверждаемой позиции намеренной лжи продуктивный диалог невозможен, его движение в сторону углубления понимания, а значит, и реальных жизненных продвижений в сторону сотрудничества и взаимного обогащения «пробуксовывает», так как энергия той стороны, что исходит из установки на предельную истину понятия, будет уходить не на поиск развивающих отношения позитивных решений, а на борьбу с намеренной ложью и её тиражированием. В определённом смысле это тоже фаза осуществления диалогической установки, хотя, с нашей точки зрения, эти усилия имеют смысл до определённых пределов. Однако и эти пределы преодолеваются неостановимым движением сознания от частного к общему. Прав Гегель: «Чем хуже мнение, тем оно своеобразнее, ибо дурное есть совершенно особенное и своеобразное в своём содержании, разумное, напротив, есть само по себе всеобщее» [5, с. 337]. Даже в неудавшемся диалоге истина тем не менее – на стороне того, кто исходил из наиболее общей установки, ориентировался на всеобщие смыслы.

Проблемы межкультурного диалога невозможно рассматривать вне тех универсальных характеристик и состояний мирового сообщества и мировой культуры, к которым, в свою очередь, привели всем известные исторические события глобального масштаба. Мы и сегодня фактически живём в реальности, которая пронизана социальными и культурно-историческими последствиями исчезновения такой геополитической реальности, как СССР. Парадоксален исторический факт реального диалога двух систем ценностей в условиях самой предельной конфронтации – в период холодной войны. Анализ состояния противостоящих систем показывает, насколько при однозначно определившейся ценностной субъектности не без текущих проблем и преодолений разного рода непонимания, тем не менее системы были друг для друга не только «вражески настроенными», но и стимулом для внутреннего развития и расширения понимания

как друг друга, так и самих себя. В самих противостоящих системах имелись внутренние основания к пониманию того, насколько причины для конфликта между системами незначительнее ценности сохранения человечества как феномена. Системы были логичны, каждая по-своему целесообразна, с набором непреложных доминантных ценностей, что, собственно, и позволяло находить возможность понимания и договорённостей. Несколько перефразируя посыл Георга Зиммеля, считавшего, что конфликт и враждебность имеют глубинные антропологические корни, можно сказать и про внутренне организованные на понятных принципах социальные системы, что «отношения гармоничных натур обретают то преимущество, что именно в конфликте они осознают, сколь незначителен он по сравнению с объединяющими их силами» [6]. Ответственность за состояние мира, придётся признать данный факт, ложилась на плечи геополитических «атлантов» XX века – США и СССР.

Очевидно, что и новые военные угрозы в современном мире – это невесёлое «эхо» распада единой системы социалистических государств, повлекшего за собой неисчислимые гуманитарные катастрофы и социально-экономические и политические тяжелейшие трансформации. Многим народам пришлось пройти период формирования социальной и культурной идентичности в новых условиях, поначалу по большей части носящей весьма хаотический характер. Однако сегодня мы имеем возможность понять, что прохождение этой исторической «точки бифуркации» может обернуться не только движением в сторону нового созидающего порядка. На место прежнего может прийти нацеленность на дальнейшее разрушение, агрессию и оголтелое самоутверждение за счёт принижения и даже полного уничтожения прав другого человека, другой культуры, от которого – один шаг до демонстрируемой на деле бесчеловечности. При таком развитии событий наступает фаза иной ответной реакции, как ни странно, это тоже будет одним из «земных» практических выражений сложнейшей диалектики общения.

Следующим немаловажным моментом к осмыслению являются общие социальные

и культурные тенденции в развитии (если это можно назвать развитием) современного мира. За последние 30 лет в его существовании явно наметились такие тенденции, как дальнейшая глобализация экономических, политических и информационных процессов, но только уже на основе монополярной идеологии. Однополярность в глобальной политике и экономических процессах обусловлена доминированием тех, кто считает себя победителями в холодной войне XX века. К нашему общему сожалению, не диалог, а тотальный монологизм и отстаивание своих экономических интересов любыми средствами, любой ценой стали нормой в международной политике США и их услужливых неофитствующих в системе капиталистической идеологии жизни сателлитов.

И именно в этих условиях первейшим требованием для диалога культур (стран, народов и государств) может быть только уважение и признание их равных прав на формирование собственной повестки собственной регуляции жизни как в экономическом, так и в политическом плане. Мы понимаем, насколько мир в его повседневной практике далёк от этих прекраснотушных идеалов, но значение идеала не стоит недооценивать, если его, как ориентир и в самом обществе, и в практике международных отношений, нивелировать полностью, хаос и вседозволенность будут только нарастать. «Война всех против всех» подступает, обступает современное человечество. Её контуры довольно явственны в современном обществе, так как это вполне логический исход общества потребления и его расчеловечивающих технологий жизни. Время человека, переживающего «шок от будущего» – «футурошок», – наступило [7, с. 12].

А это значит, что перед ещё большими угрозами и вызовами со стороны потребительской цивилизации, вышедшей на уровень транснационального самоосуществления, сегодня находятся государства и государственное самосознание народов, национально-культурное начало, духовные и сохраняющие общество столпы, такие как семья и семейное воспитание, любовь к родной культуре, и только через эту любовь и приверженность родному, понимание и приобщение к культуре других народов, к мировой

культуре в целом человеческое сознание, с нашей точки зрения, достигающее таким образом от «родного» ко «вселенскому» (В. Иванов), совершает естественную эволюцию в своём развитии. В обществе, которое прекрасно проанализировано в работе Алвина Тоффлера «Футурошок», происходит замена именно такой – цельной человеческой личности на «фрагментированного» одноразовым использованием многочисленными благами потребительской цивилизации субъекта, в нём государственное начало и приверженность исторической судьбе народа и национальным культурам подменяется фабрикой бесконечно множащихся и меняющихся «стилей жизни» [5, с. 72–92].

Возникает закономерный вопрос: к какого рода отношениям с миром, в том числе представленным иными культурами, народами и государствами, окажется внутренне готов субъект такого рода? Ни для кого не секрет, что молодое поколение в любой стране, вырастая, начинает и требовать, и добиваться социального гешефта, получая посты и звания, добиваясь высокого положения в сфере принятия политических, экономических, идеологических и других решений. Мы не склонны предсказывать катастрофу, в определённом смысле без такой ротации и смены поколений не живёт ни одно общество, однако философский анализ предполагает при рассмотрении любой проблемы апеллировать к качеству человека, составляющего лицо и образ эпохи. Вне данной апелляции все доводы и аргументы могут оказаться глубоко недостаточными. Смеем предположить, что сегодня сформирован человек, в своём массовом выражении способный не к глубокому содержательному диалогу с иным «Другим», который требует ясного опыта культурного и индивидуального самосознания и нацеленности на понимание подлинных основ человеческой жизни, а человек, отказавшийся в принципе от задачи духовного и ценностного самоопределения. Что, собственно, неудивительно в эпоху формализации религиозного опыта как такового, в эпоху девальвации ценности государства и его исторически выстраданных основ существования.

Сегодня нет большой надежды на реальность самого субъекта диалога, так как

он внутренне подготовлен эпохой рационально обоснованного потребительского отношения к миру и своей собственной жизни к поверхностной коммуникации, ограниченной принципом социально представленной «реципрокности» – «ты – мне, я – тебе», или в лучшем случае оправданием коммуникативного тонуса, интереса к другому является «потребление» информации о другой культуре, нравах и об обычаях, если это утверждает избранный вышеупомянутый «стиль жизни» (например, блогер-путешественник, который удовлетворяет таким образом любопытство миллионов подписчиков). Коммуникация, осуществляемая в данном случае заинтересованным в отклике публичного потребителя информации, медиатора, – естественно факт состоявшегося межкультурного взаимодействия, но для осуществления подлинного диалога культур, интереса, обусловленного вкусами и запросами среднестатистического туриста, далеко недостаточно. Постигание культуры, её основ – дело долговременное, с нарастанием поступательной сложности. Туристический, или блогерский интерес, – первый шаг, знакомство в первом приближении. За нравами и обычаями, демонстрируемыми нашими современниками, всегда угадывается долгий путь становления народа со всеми историческими перипетиями, тяготами и преодолениями на пути к самоутверждению. В народной традиции именно этот опыт закрепляется в национальном эпосе, мифологии. Без последней не проникнуть в сердцевину народной души. Предания важны как для культурной самозащиты, так и для самопонимания и идентификации ныне живущих поколений. Специфика культурного самобытия – основа диалога. На чём будет основываться диалог, если этой специфики не станет, если она выхолостит окончательно унифицирующим накатом облик мировой культуры глобальным шествием потребительской цивилизации? Самобытные культурные миры – это источник существования мировой человеческой культуры в целом. Межкультурный диалог непосредственно связан с принципиально диалогическими основами самой культуры. Именно диалог по существу как главная составляющая человеческого существования (Ю. Хабермас), базовый принцип бытия

культуры и общества составляет онтологическое основание утверждения человечности, человеческого взаимопонимания и признания самоценности другого.

Сегодня, в 20-е годы XXI века, весь мир стал очевидцем сбывшихся предсказаний века XX о том, что ныне идущий век ознаменуется неухающими региональными конфликтами и противостояниями. Масштабы наметившейся катастрофы усугубляются опасениями, связанными с современными негативными характеристиками глобального информационного пространства. Качество социального субъекта, о котором мы писали выше, можно отнести к факторам, которые обуславливают возможность наиболее опасного исхода событий. Свободный доступ в мировое информационное пространство привёл к тому, что количество информационных агентов приобрело характер «тотальной неконтролируемости». При отсутствии должных личностных качеств, предполагающих ответственность за сказанное и распространяемое в мировом информационном пространстве, в едином поле, мы сегодня имеем дело с таким феноменом, как информационный хаос. Человек, ценностно дезориентированный потребительской моралью и исключительно гедонистическим пониманием счастья, попадая на поле битвы в информационном пространстве, автоматически настраивается на бинарную систему мышления: «свои – чужие», «правильные – неправильные», что приводит только к нарастанию агрессии и социальной напряжённости даже внутри одного, казалось бы, не так давно внешне консолидированного общества, называющего себя цивилизованным. Тем более что имели место вполне общепринятые критерии цивилизованности, которые долгое время служили основой вполне успешной (пусть и не без конкретных практических выгод) межкультурной коммуникации и взаимодействия между странами. Сегодня мы наблюдаем, как весь мир поддался этому разделению по принципу бинарной оппозиции: «мы» и «они». Данное положение, считаем, хоть оно и угрожающе опасно, было бы неверно оценивать только негативно, с точки зрения более глубинной логики становления социального опыта, его истории данное

состояние, как минимум – неоднозначно, данная неоднозначность сродни стоянию в точке бифуркации: и туда, и сюда может качнуться ситуация. Констатируя данный факт, мы считаем, что такая «демаркация», если учитывать диалектику развития ситуации в современном мире с момента распада биполярного мирового порядка, – вполне закономерна. Прежде чем сформируются новые основания для возможного будущего диалога между разными идейными подходами в понимании культурного облика мира, они должны откристаллизоваться в своём самобытном статусе. И уже в который раз в глобальном масштабе должна появиться новая смысловая дихотомия «своего» и «другого», «своего» и «иноного». Ясное понимание различий: что приемлемо, а что ни при каких обстоятельствах неприемлемо той и другой стороной, как это ни странно звучит, может стать, и мы возлагаем на это надежду, основой нового общения, нацеленного на достижение диалога и понимания на основе осознания более значимых, чем выдвинутые сегодня в контексте обостряющегося противостояния ценностей, – это ценность человеческой жизни и мирного состояния, гарантирующего сохранение и утверждение этой ценности. Человек и так – самое трагическое существо: он единственный знает, что умрёт, что смертен. Стоит ли искусственно или по глупости усиливать этот трагизм?

Поступила: 06.12.22; рецензирована: 20.12.22;
принята: 23.12.22.

Литература

1. *Зарапин О.В.* Философия как действие: к метафизике диалога // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Т. 6 (72). 2020. № 3. С. 17–31; *Крючкова С.Е.* Метафизика диалога: другой или чужой // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы: материалы Международной научной конференции / отв. ред. И.М. Меликов, А.А. Гезалов. М.: Изд-во Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. С. 103–109; *Инговатова А.Г.* Метафизика диалога культур: между Западом и Востоком или Россия сегодня // Евразийская интеграция: проблемы и перспективы реализации: сб. статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, общественных деятелей, практиков. Барнаул: Изд-во: ООО «Пять плюс», 2014. С. 76–81.
2. *Меликов И.М.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы / И.М. Меликов, А.А. Гезалов // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24–35.
3. *Аристотель.* Метафизика // Аристотель: соч. в 4 т., Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
4. *Платон.* Теттет // Платон: собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192–275.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права: соч.: в 14 т. Т. VII / Г.В.Ф. Гегель. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 384 с.
6. *Зиммель Г.* Человек как враг: сб. работ западных философов XIX–XX веков / Г. Зиммель. М.: Алгоритм, 2007. С. 5–15.
7. *Тоффлер А.* Футурошок / А. Тоффлер. СПб.: Лань, 1997. 464 с.